

ИНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Дуглас
ПРЕСТОН

БОГОХУЛЬСТВО

Москва
2016

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
П73

Douglas Preston
BLASPHEMY

Copyright © 2007 by Splendide Mendax, Inc. Published
by arrangement with Tom Doherty Associates, LLC.
All rights reserved

Оформление серии *А. Саукова*
Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Престон, Дуглас.

П73 Богохульство / Дуглас Престон ; [пер. с англ.
Ю. А. Волковой]. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 512 с. — (Иная реальность).

ISBN 978-5-699-90397-9

Крупнейший в мире ускоритель частиц «Изабелла», спря-
танный глубоко в недрах аризонской горы, создан для того,
чтобы смоделировать Большой Взрыв и узнать, как зародилась
Вселенная. Это самая дорогая в мире машина. Поможет ли она
познать тайны бытия? Или же, как предрекают некоторые, по-
родит черную дыру, которая поглотит Землю? Или, как над-
ривно кричат телепроповедники, это попытка опровергнуть
Библию и существование Господа Бога?

Команда из двенадцати ученых, работающая с «Изабел-
лой», обнаруживает нечто такое, что должно остаться вечным
секретом – иначе поколеблются основы мироздания. Однако
правительству не нравится молчание «высоколобых», и по его
просьбе на секретный объект отправляется Уайман Форд, быв-
ший агент ЦРУ, – чтобы выведать тайну «Изабеллы»...

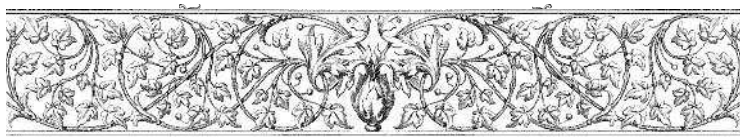
УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-90397-9

© Перевод на русский язык. Волкова Ю.А.,
2014

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

*Посвящается
Присцилле, Пенни, Эллен,
Джиму и Тиму*

Глава 1

Июль

Кен Долби стоял перед блоком управления и бережно перемещал рычаги «Изабеллы». На миг замерев, он поспешил мгновение, открыл решетчатую коробку и опустил еще один рычажок, красного цвета.

Самая дорогая на земле машина включилась, не издав ни звука и не подав ни единого сигнала. Лишь в Лас-Вегасе, на удалении двухсот миль, едва заметно мигнули электрические огни.

Чуть погодя под ногами Долби слегка завибрировал пол. К «Изабелле» Кен относился, будто к женщине. В иные минуты, когда его воображение особенно разыгрывалось, она представлялась ему высокой стройняшкой с крепкой, темной, словно ночь в пустыне, покрытой капельками пота спиной. «Изабелла»... Своими чувствами он не делился ни с кем, опасаясь насмешек. Для остальных ученых, занимавшихся этим проектом, «Изабелла» была неодушевленным предметом, безжизненной машиной, созданной для научно-исследовательских работ. Долби же с тех самых пор, когда семилетним мальчишкой собрал первый радиоприемник из набора «Юный физик», питал ко всем своим творениям глубокие чувства. «Фред». Так звали тот приемник. Думая о «Фреде», Долби видел перед собой белокожего толстячка с рыжими, как морковь, волосами. Свою первую ЭВМ он нарек «Бетти». В его воображении она была проворной умницей-секретаршей. Объяснить, по-

чему его детища обретают характер и человеческий облик, Долби не мог. Так случилось, и все.

Теперь все его мысли занимала эта машина, самый мощный в мире ускоритель элементарных частиц. «Изабелла».

— Ну, как она? — спросил Хазелиус, руководитель группы, подходя и дружески похлопывая Долби по плечу.

— Мурлычет, как кошка, — ответил тот.

— Ну, и славно. Прошу внимания, — обратился Хазелиус ко всей команде. — У меня есть предложение.

Когда члены группы, отвернувшись от рабочих станций, устремили на него взгляды и замерли в ожидании, руководитель пересек кабинетик и остановился у самого большого плазменного экрана. Невысокий, худой, ухоженный и беспокойный, как хорек в неволе, он секунду-другую потоптался на месте, взглянул на коллег и широко улыбнулся. Его исключительная одаренность и способность лидерствовать не переставали удивлять Долби.

— Дорогие мои друзья, — начал Хазелиус, обводя группу взглядом бирюзовых глаз. — Мы в одна тысяча четыреста девяносто втором году; стоим на палубе «Санта-Марии», всматриваемся в морской горизонт и вот-вот увидим берег Нового Света. Да, да! Сегодня мы достигнем неведомого горизонта и ступим на землю нашей собственной Америки!

Он взял сумку «Чэпмен», которую повсюду носил за собой, достал бутылку «Вдовы Клико», поднял ее, точно трофей, и, блестя глазами, с шумом поставил на стол.

— Разопьем вечером, когда сойдем на берег. То есть когда позволим «Изабелле» поработать на полной мощности.

Новость приняли молча. Первой заговорила Кейт Мерсер, заместительница руководителя проекта:

— Мы же планировали сначала трижды испытать ее на девянота пяти процентах... Что-то изменилось?

Хазелиус ответил на ее изумленный взгляд улыбкой.

— Мне не терпится. А тебе?

Мерсер смахнула с лица прядь блестящих темных волос.

— А если образуется микроскопическая черная дыра?

— Ты же сама просчитала, что это практически невозможно.

— Я могла ошибиться.

— Ты никогда не ошибаешься. — Хазелиус улыбнулся и взглянул на Долби. — А ты как считаешь? «Изабелла» готова?

— Еще как готова.

Хазелиус широко расставил руки.

— Итак?

Ученые стали переглядываться. Можно ли пойти на такой риск? Последнее слово сказал Волконский, программист-россиянин.

— Решено!

Он шлепнул поднятой рукой по ладони Хазелиуса. Остальные принялись похлопывать друг дружку по спине, обмениваться рукопожатиями и обниматься, словно члены бейсбольной команды перед началом игры.

* * *

Пять часов спустя Долби, за это время вливший в себя пять чашек отвратительного кофе, стоял перед огромным плоским экраном. Тот до сих пор был темным: запущенные пучки протонов еще не столкнулись.

Сначала коллайдер бесконечно долго «раскочегаривался», потом охлаждались сверхпроводящие магниты, используемые для удержания и коррекции пучков. Потом магниты проверили, потом запустили многочисленные тестовые программы, после чего увеличили мощность на пять процентов.

— Текущий показатель — девяносто, — сказал Долби.

— Черт, — проворчал где-то у него за спиной Волконский, ударяя по кофеварке «Санбим» так, что она загремела, будто Железный Человек. — Не успеть оглянуться, уже пусто!

Долби тайком улыбнулся. Они пробыли на столовой горе полмесяца и неплохо друг друга узнали. Волконский был хитрецом, сутулился, носил бородку — прилипший к подбородку клочок лобковых волос — и рваные футболки; длинные волосы почти не мыл и не расчесывал, и походил скорее на опустившегося европейца-бродягу или на наркомана, чем на мозговитого специалиста по программному обеспечению. Впрочем, многие из группы были ему под стать.

Время шло своим ходом.

— Пучки выровнены и сфокусированы, — сказала Рей Чен. — Энергия — четырнадцать тераэлектронвольт.

— «Изабелла» работать что надо, — похвалил Волконский.

— Все мои системы в норме, — сообщил Чеккини, физик, специалист по частицам. — Все лампочки светятся зеленым.

— А с безопасностью как обстоят дела, мистер Уордлоу?

— Вокруг ни души, только койоты да кактусы, — отозвался с охранного пункта Уордлоу, старший офицер разведывательной службы.

— Прекрасно, — сказал Хазелиус. — Пора. — Он театрально помедлил. — Кен? Сталкивай пучки.

Сердце Долби забилося чаще. С легкостью пианиста-профессионала он прикоснулся своими похожими на паучьи лапки пальцами к нескольким клавишам, вводя ряд команд.

— Есть.

Громадные плоские экраны на стенах внезапно ожили. По воздуху разнеслась свист-песня, возникшая из ниоткуда и отовсюду.

— Что это? — встревоженно спросила Мерсер.

— Через детекторы проходят триллионы частиц, — ответил Долби.

— Боже мой... Гудение, как из монолита в «Две тысячи первом».

Волконский ухнул, подражая обезьяне, но никто не обратил на него внимания.

На центральном экране визуализатора возникло изображение. Долби уставился на него, как зачарованный. Картинка напоминала цветок: точка внизу и выплывающие из нее дрожащие и переплетающиеся цветные струи. Казалось, они так и норовят сойти с поверхности. Долби любовался небывалой красотой в благоговейном восторге.

— Столкновение проходит успешно, — сказала Рей Чен. — Пучки сфокусированы и коллимированы. Все идет как по маслу, черт возьми!

Послышались радостные возгласы, кто-то даже хлопнул в ладоши.

— Дамы и господа, — объявил Хазелиус, — добро пожаловать на берег Нового Света. — Он указал на монитор. — Перед вами то, что происходило в первые доли секунды после Большого Взрыва. — Он повернулся к Долби. — Кен, будь добр, увеличь постепенно мощность до девяноста девяти.

Долби прошелся пальцами по клавиатуре, и сверхъестественный звук немного усилился.

— Девяносто шесть, — произнес он.

— Энергия — семнадцать целых четыре десятых тераэлектронвольт, — сказала Чен.

— Девяносто семь... девяносто восемь...

Воцарилось напряженное молчание, нарушаемое лишь гудением откуда-то из-под земли. Казалось, вся гора вокруг поет странную песню.

— Пучки по-прежнему сфокусированы, — произнесла Чен. — Энергия — двадцать две целых пять десятых тераэлектронвольт.

— Девяносто девять.

«Изабелла» «заголосила» еще громче, еще звучнее.

— Секундочку, — сказал Волконский, горбясь над уставленным чудо-компьютерами рабочим столом. — «Изабелла»... как будто терять скорость.

Долби резко повернул голову.

— Оборудование в полном порядке. «Глючат» снова твои компьютерные программы.

— Да нет, с программами никакие проблемы, — пробурчал Волконский.

— Подождите-ка, — сказала Мерсер. — Может, все же возникла миниатюрная черная дыра?

— Нет, — ответила Чен. — Излучением Хокинга здесь и не пахнет.

— Девяносто девять и пять, — произнес Долби.

— А у меня двадцать два и семь тераэлектронвольт, — сообщила Чен. — И выброс заряженных частиц.

— Каких? — спросил Хазелиус.

— Неизвестных резонансов. Взгляните.

По обе стороны цветка, изображенного на мониторе, запульсировали красные лопасти, похожие на огромные уши клоуна.

— Жесткое рассеяние, — сказал Хазелиус. — Может, это глюоны. И гравитон Калуцы-Кляйна.

— Нет, это исключено, — возразила Чен. — При такой-то энергии?

— Девяносто девять и шесть.

— По-моему, разумнее остановиться, Грегори, — сказала Мерсер. — Происходит слишком много странного.

— Неизвестные резонансы... Само собой, — произнес Хазелиус обычным голосом, однако будто отделившись от остальных. — Мы же ступили на неизведанную территорию.

— Девяносто девять и семь, — сказал Долби. В своей машине он не сомневался ни капли и мог запустить ее на полную мощь, а если потребуется, даже выйти за допустимые пределы. Задумываясь о том, что в эти минуты они расходуют почти четверть энергии, вырабатываемой плотиной Гувера, он поеживался от волнения. Вот почему им приходилось ставить эксперименты посреди ночи — в это время энергорасход в округе был минимальный.

— Девяносто девять и восемь.

— Происходит некое совершенно не изученное взаимодействие! — воскликнула Мерсер.

— Чего тормозить, дурень? — закричал Волконский на свой компьютер.

— Нет... мы и правда имеем дело с теорией Калуцы-Кляйна, — произнесла Чен. — Невероятно!

На экране с цветком возникли помехи.

— «Изабелла» как-то странно себя ведет, — заметил Волконский.

— В каком смысле? — спросил Хазелиус, сидя в своем кресле посреди центра управления.

— Будто ехать по ухабам.

Долби поднял глаза к потолку. Волконский действовал ему на нервы.

— У меня все идет, как надо. Исправно работают все системы.

Волконский суетно впечатал какую-то команду, выругался по-русски и шлепнул ладонью по монитору.

— Грегори, тебе не кажется, что необходимо сбросить мощность? — спросила Мерсер.

— Подождем еще минутку, — отозвался Хазелиус.

— Девяносто девять и девять, — сказал Долби.

В последние пять минут царившая в кабинете дрема сменилась лихорадочным бодрствованием. Предельное напряжение, казалось, можно было пощупать рукой. Один Долби сохранял обычное спокойствие.

— Я согласен с Кейт, — произнес Волконский. — Говорю же: «Изабелла» странный. Надо сбросить мощность.

— Всю ответственность я беру на себя, — сказал Хазелиус. — Ничего сверхъестественного, на мой взгляд, еще не происходит. Информационный поток со скоростью десять терабит в секунду немного замедляет ход, только и всего.

— Только и всего?

— Мощность — сто процентов, — объявил Долби с нотками удовлетворения в невозмутимом голосе.

— Энергия пучков — двадцать семь целых тысяча восемьсот двадцать восемь десяти тысячных тераэлектронвольт, — сообщила Чен.

Помехи пошли и по компьютерным мониторам. Кабинет наполнился еще более звучным пением, доносившимся неизвестно откуда. Цветок на визуализаторе исказился и разросся. Посередине возникла черная точка, будто дыра.

— Ого! — воскликнула Чен. — Данные исчезают.

Цветок задрожал. По нему поползли темные полосы.

— Кошмар! — закричала Чен. — Я не шучу — информация пропадает!

— Это нельзя, — ответил Волконский. — Информация не может пропасть. Исчезай частицы.

— Подождите-ка. Частицы тоже не могут исчезнуть.

— Но исчезай.

— Нет ли проблем с программным обеспечением? — спросил Хазелиус.

— Никакие проблемы, — громко ответил Волконский. — Дело в самой машине.

— Да пошел ты, — пробормотал себе под нос Долби.

— Грегори, «Изабелла» на пределе возможностей, — сказала Мерсер. — Надо сейчас же снизить мощность.

Черная точка на экране стала расти и поглощать цветок. Ее яркие разноцветные края судорожно вибрировали.

— Нет, это полное безумие, — пробормотала Чен. — По-моему, время и пространство делают невысказанный крен. Такое впечатление, будто это центр черной дыры или что-то вроде того. По-видимому, мы и впрямь ее создали.

— Это невозможно, — подключился к разговору математик Алан Эдельштайн, который все это время тихо сидел за столом, корпя над своими подсчетами. — Нет никаких признаков излучения Хокинга.

— Клянусь, возникла дыра! — воскликнула Чен.

На экране, отображавшем в реальном времени ход работы, пронеслись, точно поезд-экспресс, символы и цифры. С самого большого верхнего монитора исчез дрожащий цветок, полностью поглощенный чернотой. Внезапно во мраке возникло призрачное движение, напоминавшее парящую в ночи летучую мышь. Долби в изумлении уставился на экран.